
Оригинал находится [здесь](#).

Очерк

В городе С. из одного дома выехали две телеги, запряженные каждая парой сытых кормленных лошадей. В первой телеге ехали женщины: жена приказчика одного барского имения, жена дьячка местной церкви и жена мещанина из города - большие приятельницы между собой. Правил этой первой телегой пономарь Ерема, человек набожный и на взгляд смиренный. Спина у него была длинная, а ноги короткие: оттого ему и не давали стихаря, хотя он кроме своей обязанности пономаря, то есть звонить в колокола, помогал в местной церкви еще дьячку. Он был холостой и все собирался жениться, да никто за него не шел, потому что он был колченогий и мало имел дохода. Он помогал дьячку не в одной только церкви, ноя дома, колол дрова, носил воду и терпеливо отмалчивался, когда дьячок или жена его подтрунивали над ним. Он сидел на облучке телеги и поворачивал голову то к ней, то к другой из пассажиров, когда они тыкали его зонтиками в спину. "Угадай, Ерема, кто тебя ткнул?" - спрашивали они. Он молча показывал, оборачиваясь, белые зубы, то в ту, то в другую сторону. "Хорошенько его, хорошенькой - раздавалось сзади из другой телеги. - Ишь, баловень, уселся с бабами?"

На той телеге, где сидели женщины и которою правил Ерема, был самовар с чашками и стаканами, тарелки, хлеб, соль и разная провизия, - все, что нужно было для стола и что могли забрать с собой женщины.

В другой телеге ехали мужья этих женщин: дьячок, приказчик и мещанин. С ними был невод и все потребное для рыбной ловли, также вино, наливки и пиво. Они собрались на остров на Волге наловить рыбы, сварить там же уху, напиться чаю и прочее. Словом, это был своего рода пикник, на который давно собиралась эта компания.

Ерема был вхож во все три семейства, и все, и мужчины, и женщины, знали его, как смиренного простяка и забавного малого, над которым безнаказанно можно потешиться вдоволь, Главную роль между женщинами играла жена приказчика. Она рассказывала своим приятельницам какую-то городскую сплетню; те громко хохотали. "Хорошенько его, хорошенько, ишь как он лениво правит!" - продолжали кричать сзади мужчины. Женщины не заставляли себя долго просить; они прерывали рассказ приказчицы, и то та, то другая тыкали Ерему в спину зонтиками. Он едва успевал оборачиваться в ту или другую сторону, показывая белые зубы, почмокивал губами на лошадей и шевелил вожжами. "Угадай, кто тебя ткнул, Ерема?" - дразнила его та или другая из женщин задорно. "Почем я знаю!"

- Пресвятая Троица! помилуй нас грешных! - говорил, крестясь, Ерема, проезжая мимо церкви Троицы. Новый толчок в спину зонтиком от которой-нибудь женщины. На второй телеге мещанин тоже что-то рассказывал, и слушатели громко смеялись. По временам оттуда слышались восклицания.

- Хорошенько его, хорошенько! - раздавались мужские голоса с другой телеги. Ерема оглянулся и на них, но ничего не сказал, показав только белые зубы.

В это время съезжали с горы. На первой телеге раздалось пение: "Юность, юность, веселися. Веселись, пока цветешь. Пой, резвися и кружися, ибо скоро ты пройдешь!" - пел женский голос. Между тем поровнялись с другой церковью. Ерема снял шапку и, осеняя себя широким крестом, набожно проговорил: "Тихвинская мати, пресвятая богородица, помилуй нас!"

Опять последовали тычки зонтиком и голоса с другой телеги:

- Хорошенько его, хорошенюк баловня! Мужские голоса там дружно затягивали: "Вниз по матушке по Волге". Обе телеги подвигались все ближе и ближе к реке. На горе опять показалась церковь.

"Святой Николай Чудотворец и угодниче божий, помилуй нас!" - крестясь, говорил Ерема, снимая шапку. Женщины не унимались тыкать его зонтиком. Ерема продолжал показывать белые зубы, чмокать губами на лошадей и шевелить вожжами. Женщины пели то "Среди долины ровныя", то "Я в пустыню удаляюсь". Мужчины из другой телеги или подтягивали им или пели унисоном "Не белы-то